

Своя поляна

Спектакли МХАТа имени А.П.Чехова "Пролетный гусь" и "Сонечка", поставленные по прозе Виктора Астафьева и Людмилы Улицкой, не только не теряются в репертуарной и стиливой многоголосице Художественного театра, но занимают свою особую нишу. Похоже, их постановщик — актриса и режиссер Марина Брусникина — открыла новый жанр. Как его определить? "Литературный спектакль"? "Тени"? — Все это не совсем точно.

Театральная интерпретация прозы — дело сложное, зыбкое. Однако, интуиция режиссера, азарт молодых актеров и их общая влюбленность в материал распевают возможные трудности.

Мы попросили Марину Брусникину рассказать о своей работе над прозой.

— Мой путь к этим спектаклям начался довольно давно. Я застала замечательных чтецов (например, Дмитрия Николаевича Журавлева), их творчество было для меня эталоном, школой. Но пока я училась (а потом — преподавала) в Школе-Студии МХАТ, экзамены по сценической речи не были для меня самыми любимыми. В то же время я чувствовала, что есть какой-то секрет, позволяющий сделать чтение интересным. Секрет в том, как вовлечь в происходящее зрителя. Мне всегда хотелось научиться выстраивать диалог с залом. Трудно объяснить, как это происходит, но есть определенные технические навыки и приемы, которые помогают "держать" зрителя. Только зритель этого не чувствует.

Я долго шла к этому, но более или менее ясное представление о том, как это делать, появилось в период работы с выпускниками Олега Николаевича Ефремова (года три назад). Большую группу этих ребят приняли в труппу МХАТ, и я решила устроить вечер их работ, чтобы представить коллективу театра новых актеров. Пришло очень много самых разных людей. Через какое-то время мы провели еще один вечер, потом еще. Мы быстро перешли только на современную прозу и поэзию — мало кто знаком с ними, зритель держит сначала простое любопытство перед новым сюжетом, новым автором. Сразу стало понятно, что наши вечера-спектакли нужны людям, которые хотят видеть что-то, отличное от шоу.

— Как появился спектакль "Пролетный гусь"?

— Рассказы Астафьева предложил для постановки Олег Павлович Табаков. И на мой взгляд, трудно найти актерский материал благодатнее. Он удивительно настоящий, глубокий. За словами Астафьева неподдельное сострадание тому, что происходит с людьми. А какие мощные народные характеры — это во всех нас есть, только разбуди!

— Какая проза может стать основой для подобного спектакля, а какая — почему-либо — нет?

— Самое главное — тема.

Вот "Сонечка" Улицкой написана в форме истории одной семьи — вроде как легко, жанр привычный; но на самом деле это история мировоззрения. Для меня в выборе материала важны два критерия. Первый: волнует ли меня то, о чем я буду разговаривать. Второе — это язык. Очень важно, чтобы был хороший язык. В астафьевской прозе есть какой-то фокус; его текст хорошо звучит со сцены.

Проза Улицкой совсем другая, но в ней такая музыкальность, такое поэтическое построение фразы — и при этом невероятный юмор, легкость. Выговаривать такую фразу — удовольствие.

— В спектакле "Сонечка" молодые актеры, вслед за главной героиней, читают классику. Самые хрестоматийные отрывки из Пушкина, Толстого, Гоголя произносятся с такой жадностью и вкусом! Признайтесь, нет ли в ваших планах спектакля или композиции по произведению "из школьной программы"?

— В Театре имени Пушкина я сейчас ставлю "Цыган". Премьера — 7

декабря. Но это — стихи.

А здесь... Я пока ничего не загадываю. Могу сказать одно: современная литература абсолютно неисчерпаема. Мне интересно то, что происходит сегодня.

— Каждый, кто пишет о ваших спектаклях, дает свое определение жанра. А у вас оно есть?

— Конечно же, это не литературный театр. Это театр драматический. Только конфликт не замыкается между актерами-партнерами, а вовлекает в себя зрителя.

— Кто-то из критиков даже назвал ваши спектакли "театром без театра". Не обидно?

— Я как раз принимаю это определение. Мои учителя (в первую очередь Ефремов) всегда говорили, что театр — это жизнь в концентрированной форме. Главное для актера — правда духа, правда существования, и какая разница, в какой это форме. Театр ведь очень сильно воздействует эмоционально. Это воздействие сильно, когда человеку не врут. Мы пытаемся достичь именно этого.

— В ваших спектаклях нет привычной нам ситуации, когда актер играет роль. Здесь актер отстранен от персонажа, он как бы представляет его зрителю.

— Это не отстранение, это рассказ о ком-то. А когда мы рассказываем о ком-то, мы невольно становимся этим человеком. Сонечку играют три абсолютно разные актрисы, а у зрителя остается впечатление одного образа — значит, характер сыгран?

— Он, скорее, представлен нам. Он кристаллизуется постепенно. Ведь если бы каждая из них играла роль от начала до конца, то были бы три разные Сонечки. А в итоге она одна! Наверное, именно потому, что они не играют.

— И играют тоже! Просто играют определенные черты характера, определенные реакции на события. Ведь что такое характер? Это личная реакция на событие.

— За время работы над "Пролетным гусем" и "Сонечкой" у вас сложилась команда. Хотелось, чтобы ваш эксперимент продолжался. Готовы ли вы принять в свой коллектив актеров среднего и старшего поколения или для вас принципиально то, что это сугубо молодежная работа?

— Нет, не принципиально. Просто я очень полюбила всех ребят, с которыми работала, и чувствую, что должна обеспечить их таким материалом дальше. Но круг желающих ширится.

Мы начинали и продолжаем работать в очень трудных обстоятельствах. Время на репетиции мы выкраиваем из того, что остается от других репетиций и спектаклей. Но ребята согласны работать в любых условиях. С самого начала и до сих пор я чувствую с их стороны огромную самоотдачу, желание, веру. Зато когда личные энергетики каждого из них собираются в один пучок, получается такая сила, мощь, что гораздо легче "пробить" любое пространство, "взять" любой зал. Будучи все вместе, они начинают звучать, каждый по отдельности — это великая сила коллектива. К тому же, мы все очень доверяем друг другу, а когда человеку доверяешь, он готов раскрыться.

— Успел ли появиться у вас "свой" зритель?

— Чтецкие вечера задумывались как внутримихайловские, но количество публики нарастало, словно снежный ком. Теперь эта публика идет уже специально на нас. Недавно, например, пришел молодой человек, который посмотрел "Пролетного гуся" и на "Сонечку" привел семнадцать человек (они скупали всю галерею!).

— Как бы вы определили статус, нишу ваших спектаклей на карте сегод-

нящего Художественного театра?

— Для меня это... поляна с цветами. Своя поляна, где я чувствую себя хорошо. А для ребят это колоссальная возможность развиваться. На этом эксперименте они становятся личностями.

Говорят участники спектаклей

Валерий Трошин

Когда соприкасаешься с материалом будущего спектакля — простым, сложным, легким, глубоким, — пропускаешь его через себя, живешь с ним ежеминутно. И чем богаче материал, тем интереснее жить в период репетиций. Рассказы Астафьева и повесть Улицкой — это очень емкий материал.

Играть в этих двух спектаклях любопытно еще и потому, что это новый жанр. Ему пока и определения подобрать не успели. Это даже не литературный театр, у которого, кстати, богатые традиции. Хорошо, что сейчас по телеканалу "Культура" можно увидеть записи Госфильмофонда, на которых хорошие артисты читают прозу. Например, Смоктуновский читал "Моцарта и Сальери" один, просто сидя за столом — это такой профессионализм, за этим так интересно наблюдать!

Алена Хованская

Наша задача в этих спектаклях — не "читать по ролям", а полностью сохранять авторский текст, он дает огромный простор для актерской фантазии и зрительского восприятия. Обычно у актера в спектакле одна роль. В постановках Маши Брусникиной у нас, актеров, есть возможность гораздо шире реализовать себя — ведь мы играем здесь много ролей. Где-то играем, где-то рассказываем о своем персонаже. То погружаясь в своих героев, то отстраняясь от них, мы все время существуем в каком-то полете.

Александр Арсентьев

Участники "Пролетного гуся" и "Сонечки" — мои друзья по жизни и по сцене. С ними мне интересно делать любую работу. У нас присутствует атмосфера студийности, при которой неважно, какая у тебя роль, главное — донести до зрителя историю.

Рядовой спектакль получается, когда каждый актер работает над своей ролью по отдельности, а потом приходит режиссер и разводит мизансцены. У нас же Марина Станиславовна "закручивает" историю, помогает в ней разобраться, но у всех есть желание эту историю "распустить", принести в нее, если надо, дополнительный материал — то есть идет совместная работа.

Это не литературный театр, потому что никто из нас не остается холодным повествователем.

Юлия Польшкая

Я случайно узнала, что Маша собирается ставить Астафьева, и сама попросилась репетировать. Дело в том, что мы с Астафьевым земляки — для меня очень дорог сам факт участия в спектакле по его рассказам.

Приглашение в следующий спектакль — "Сонечку" — было для меня огромной радостью. Повесть Улицкой я читала раньше и, кстати, не до конца понимала и принимала. Но к тому времени я уже настолько доверяла Маше, что готова была идти за ней, даже если бы она ставила "Колобка" или "Илиаду".

Особенность двух наших спектаклей в том, что в них нет "четвертой стены", отделивающей нас от зала. Мы разговариваем со зрителями, которые переживают так же, как и мы, как герои. Многие женщины, как и Сонечка, переживали радость любви и измену. У многих есть такие же бабушки, тетки и дядя, как в "Бабушкином празднике" (второй части "Пролетного гуся"). Мы как бы спрашиваем у зрителей: "А помните?..." И люди вспоминают!

Материал подготовила Дарья БОРИСОВА

● Сцена из спектакля "Сонечка"

Фото Е.ЦВЕТКОВОЙ